

Что осталось от "боярской шапки"? | What is left from the "boyar hat"?

Author: Жорж Нива (Перевод Н. Сикорской), [Женева](#) , 08.05.2012.

Вид на Иркутск с высоты птичьего полета

Мы продолжаем публикацию путевых заметок профессора Жоржа Нива, сделанных им во время недавнего путешествия по российскому Дальнему Востоку.

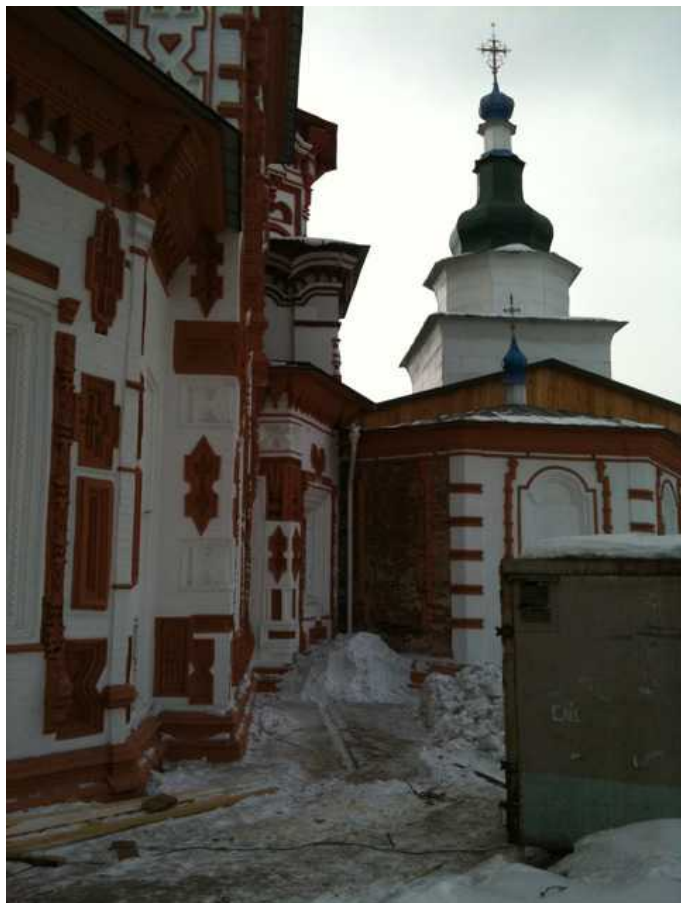
|
We continue publishing the travel notes taken by professor Georges Nivat during his voyage to the Far East.

What is left from the "boyar hat"?

Что-то изменилось в политическом настрое огромной России: люди вновь заговорили о политике. От одного ее конца до другого – в случайных встречах в долгие дни в поезде, в разговорах с шоферами такси, коллегами и друзьями – мы вновь говорим о политике, и собеседники мои охотно открыто объявляли или намекали, за кого они голосовали 4 марта. Тетя одного журналиста из Благовещенска живет в небольшом городе Свободный на севере (имя городка звучит саркастически, если знать, что здесь располагался огромный Бамлаг, одно из подразделений ГУЛАГа). Она всегда голосовала за Зюганова и коммунистов. А 4 марта она впервые проголосовала за Путина: из-за серьезных проблем с легкими ей было выделено ежемесячное пособие в размере 15 тысяч рублей. Вот пример (неприемлемый для западных СМИ) происходящих изменений. Каждый реально делает свой выбор. Многочисленные представители интеллигенции проголосовали за олигарха Михаила Прохорова. Но и два московских шофера такси. (А третий бурчал, видя скопившиеся на площади Маяковского полицейские машины, согнанные для предотвращения очередной демонстрации.) По сути, им понравилась в этом кандидате относительная прозрачность success story, касающейся Норильского Никеля. Плюс, Прохоров – самовыдвиженец (это юридический термин: не будучи выдвинутым какой-то партией, он представил два миллиона подписей в свою поддержку).

Открытые, хоть и хаотичные, дебаты, заполонившие экраны основных телеканалов, тоже не прошли бесследно. Но «следы» остались очень разные. Андрей, техник, встреченный во время пикника на турбазе около Благовещенска (градусник показывал -16), не выбирает слов, когда речь заходит об этих дебатах, вызвавших в нем крайнее возмущение. На самом деле, говорит он, все это состряпано НАТО. Для этого спокойного и приятного человека единственной возможной гипотезой является гипотеза заговора. И, действительно, она бродит во многих умах, подхваченная такими трибунами, как Сергей Кургинян, профессор «политической метафизики». Ничего не поделаешь с маньяками «оранжевой опасности». Их единственный реальный аргумент – это опасность дестабилизации столь огромной страны. «Оранжевым всегда будет, куда свалить, если дела пойдут плохо. А мы, мы должны остаться!», – провозглашает Кургинян.

Печатная пресса тоже стала интереснее, словно исчезла определенная умственная

цензура. Читатель открывает для себя как трогательные, так и отталкивающие стороны этого общества, которое, по словам Михалкова, продолжает жить по закону орла и решки. В одном месте сельский священник, благодаря богатым ученикам московской школы, смог купить себе трактор – единственное средство справиться с грязью, в которой увязают все прочие транспортные средства. Теперь он разъезжает от одной одинокой старушки к другой, развозя еду. «Все хорошо, батюшка, все хорошо, жаль только, что колхоз развалился!» В другом – полицейские Казани до смерти замучили, из чистого садизма, бедолагу, схваченного почти случайно, «для отчетности». Год назад все эти милиционеры должны были сдать экзамен на полицейских, зачастую это была просто видимость. Однако трое из пятерых казанских палачей были определены психиатрами как неустойчивые - и ничего, их переатестовали.

«Мы переживаем жестокую фазу роста», - заявляет Павел Лунгин, режиссер, снявший прекрасный фильм об Иване Грозном (внимание в нем сосредоточено не столько на царе-палаче, сколько на митрополите Филиппе, постепенно превращающемся в святого). Его последний фильм «Оркестр» - басня о глухоте современного общества, поглощенного эгоизмом и поработанного Интернетом. Существуют по Лунгину два народа, отворачивающихся друг от друга: «старый», любящий боярские шапки, ауру власти, и дети демократии, родившиеся в 1991 году и позже, организовавшие митинги, шедшие с декабря по февраль и по сегодняшнему дню, и отвергающие боярские шапки власти. Уходящий президент Медведев хотел, кстати, пофлиртовать с этой молодежью, создав свой блог. «Не знаю, как из этого выбраться, но нет у нас ни общей моральной платформы, ни общих культурных ценностей», - говорит Лунгин.

Вернулась ли политика «на место» после победы Путина 4 марта? Не совсем. Победа представителя оппозиции на выборах мэра Ярославля 1 апреля доказывает, что брожение продолжается, город за городом. Предприниматель, представленный

Единой Россией, был побежден Евгением Урлачевым. Неожиданная победа, означающая больше, чем «потери» в Москве и Владивостоке, городах, не принесших кандидату Путину абсолютного большинства. Победа и в том, что газеты сообщили об этом на первых полосах, что тоже новость. Понятно, что на местном уровне сдвиги продолжатся.

Политика присутствовала даже на церемонии вручения «Ники», российского кинематографического эквивалента «Césars», так как ее ведущая, дочь первого избранного мэра Ленинграда и телезвезда, активно участвующая в митингах, публично спросила у актрисы Чулпан Хаматовой, награжденной за благотворительную деятельность в пользу сирот, заставили ли ее сняться в пропутинском рекламном ролике. Скандал потряс весь русский интернет.

Именно из этого Интернета в Россию приходит новое. Он изменил политический расклад, который в течение долгого времени считался незыблемым. И если власть сохраняет еще прочные позиции, среди элиты она не пользуется поддержкой большинства. Сегодня сторонники власти опережают возклики и «признаются» на дружеских посиделках, что голосовали за Путина.

В Иркутске, как везде к востоку от Москвы, топонимия практически не изменилась. Люди назначают свидания на перекрестке улиц Карла Маркса и Желябова (убийца императора Александра Второго), или Робеспьера и Калинина. Полное смешение понятий господствует : в Иркутске мы видим памятники Ленину, Александру Третьему (инициатору Транссибирской магистрали) и адмиралу Колчаку (этот был сооружен по частной инициативе, мэрия хотела снести его, но потом махнула рукой). В Благовещенске Лениных несколько, но есть и Муравьев-Амурский, слуга царя, а рядом с ним сидит еще сооснователь города, архиепископ Иннокентий. Это смешение советского с «новым», прославляющим имперскую Россию, усиливается по мере того, как движешься от

столиц к провинциям.

Но тот же Интернет выступает разносчиком самых абсурдных, ксенофобских и расистских слухов. Удивительно, до какой степени Европа представляется россиянам жертвой нашествия арабов и чернокожих. Этот вопрос возникал на всех моих лекциях, причем в очень откровенной форме. Моим ответом было удивление их удивлением: разве Россия – не потрясающий melting pot более ста наций, разве не «импортировала» она иностранцев десятками тысяч – швабов, швейцарцев, тичинцев, французов – и разве Пушкин не происходит от «Арапа Петра Великого»? Но чему же удивляться, если еще в 1911 году Андрей Белый, проездом в Париже, отмечал «негр прет отовсюду». Вопрос о «гастарбайтерах», как теперь говорят по-русски, возникает повсюду, и я еще вернусь к этой теме.

«Мы все простофили», - говорит Ксения Собчак в своей «Энциклопедии лоха». Под этим следует понимать, что русские легко дают себя провести, что они любят тяжелую «боярскую шапку» и преклоняются перед ней. Правда, сегодня это уже не так для значительной части общества, но не для большинства. Но отсюда развилась многообразность русского общества. В своем прекрасном фильме «Жила-была баба», Андрей Смирнов, автор «Белорусского вокзала», только что представил своеобразную символическую сагу России. Это история крестьянки и деревни до революции 1917 года и после нее. Фильм только что получил главный приз «Ники». За роскошью, медлительностью, жестокостью кадров скрывается интерпретация всей российской истории. По сути, согласно Смирнову, жестокость традиционных крестьянских нравов, та самая, которую описывали Толстой во «Власти тьмы» и Чехов в «Крестьянах», объясняет жестокость русской гражданской войны. Изнасилованная сначала своим свекром, а затем проходившими через деревню как белыми, так и красными, протащившая свою дочь через тысячу ужасов, не символизирует ли героиня фильма пассивность, святость, предрасположенность к страданию? Смирнов задает вопрос, и после просмотра его фильма мы выходим вымотанными, но обогащенными светлым лицом актрисы, любовью, которую ей удастся урвать посреди всех мучений, сопротивлением злу. «Жила-была...» Лишь детский голос сказки может передать все массу страдания и жестокости, передать, почти не осуждая. Как бы то ни было, Смирнов предостерегает от того, что сегодняшняя Россия не хочет видеть.

[швейцарская культура](#)

Статьи по теме

[От Санкт-Петербурга до Владивостока, или от одного до другого "окна" евразийской империи](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/politique/chto-ostalos-ot-boyarskoy-shapki>